

Лидия **ИВЧЕНКО**,
кандидат исторических наук

НЕ БРАТЬЯ ПО СЛАВЕ?

Историография 1812 года:
нынешнее состояние

200-летний юбилей 1812 года позволяет специалистам не только констатировать достижения в исследовании темы, но анализировать проблемы, которых, на наш взгляд, немало. Не хочется выглядеть пессимистом, но, похоже, что круглая дата застала историков-профессионалов врасплох. Я отлично помню, как лет 20 назад мы мечтали о перевороте в историографии. Ещё бы! Труды Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, в которых советская идеология вела бескомпромиссную борьбу со сведениями источников, нас не удовлетворяли. Впрочем, столпам советской науки с середины 1950-х годов самим наскучил обязательный джентльменский набор ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. В 1988 году Н. А. Троицкий, торжествуя, уличил собратьев по цеху «в не-

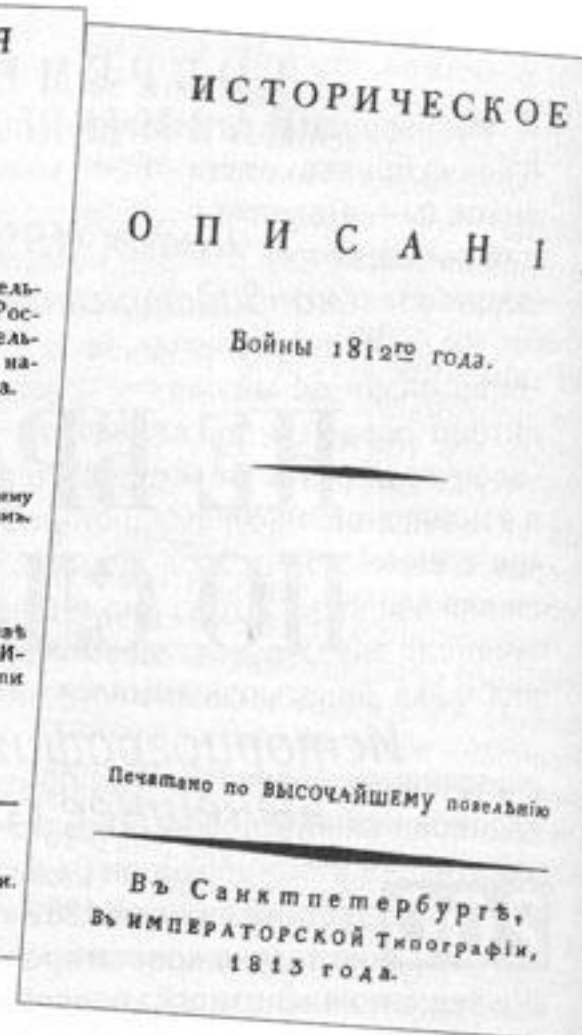
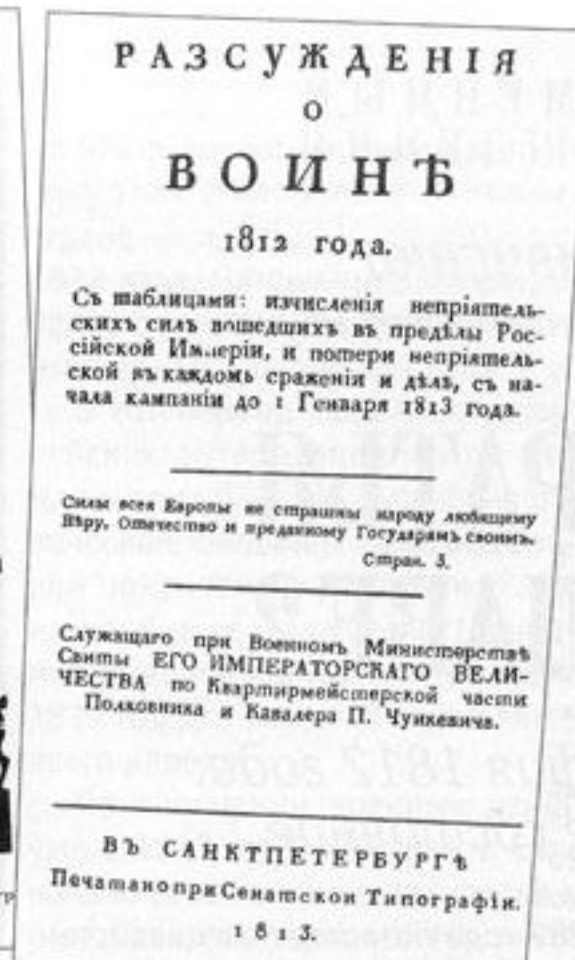
Р. М. Волков. Портрет М. И. Кутузова. 1812 г.

Хан-Антуан Гро. Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту. 1796 г.

брежном обращении с трудами основоположников марксизма», полагая, что именно в этом и заключался главный источник историографических бед. Действительно, согласно сведениям, приведённым саратовским исследователем, специалисты толком не знали (и, по-видимому, знать не хотели), один ли Фридрих Энгельс написал статью «Барклай де Толли» в Британскую энциклопедию или всё же в соавторстве с Карлом Марксом и кто из них для того же издания написал статью «Бородино»?

Но и торжество Николая Алексеевича, занимавшегося долгие годы проблемами российской революционной демократии, а затем переключившегося на события 1812 года, было недолгим: ветер перемен разбросал как карточный домик крепкую методологическую базу его исследований. Двадцать лет спустя известный учёный решил повторить успех: в 2007 году вышло в свет второе издание его книги «1812. Великий год России». Если в первом издании явственно просматривалась цель защиты «марксизма-ленинизма» от посягательств «сталинистов», то в очередном «концептуальном» труде философская концепция автора не обозначена. В качестве «методологической рефлексии» может рассматриваться стремление исследователя установить истину посредством механического приращения знаний, то есть путём добавления новых сведений к уже изложенным в первой книге. Неизбежная издержка подобного отношения к проблемам гносеологии — увеличение числа оппонентов, в спорах с которыми автор переносит центр тяжести с философской основы исследования исторических фактов на личности возражателей¹.

Среди отечественных специалистов, занимающихся проблемами Наполеоновских войн в целом и Отечественной войны 1812 года в частности, споры о методологических основах исследования — явление нечастое. Затянувшаяся полная не-

определённость в этом вопросе, на наш взгляд, «грозит депрофессионализацией исторического знания» именно накануне 200-летнего юбилея. Положение не спасает, как и сто лет назад, публикация новых источников, качественных трудов по униформологии и изысканий, основанных на сведениях послужных списков, ведомостях о потерях, уточнённых данных о хронометрии боевых действий. По мнению Н. А. Проскуряковой, «на одном фактическом материале, даже самом ценном и богатом, невозможно выстроить действительно масштабные и при этом обоснованные обобщения»².

В то время как историки-медиевисты, специалисты по истории второй половины XIX и всего XX века дискутируют по поводу новых основ исторической науки, в нашей среде по-прежнему большим завоеванием считается преодоление идеологической составляющей, которая обозначается как «лжепатриотизм», который ставится в вину исключительно российским профессиональным историкам, создателям лживого отечественного официоза, основанного либо на дореволюционном псевдопатриотизме, либо на его советском тоталитарном варианте.

Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, располагает к опасной доверчивости к зарубежным источникам. Не случайно в трудах российских исследователей Наполеоновской эпохи мелькают совершенно ненаучные определения по отношению к создателям писем, дневников и мемуаров: «исключительно правдивый». Заметим: нас не было в ту эпоху. Историк, по справедливому замечанию И. П. Липранди, «сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие, и если он очистит разногласия критикою, то обязанность его выполнена»³. Заметим, что даже при масштабном сопоставлении источников противоречия и разногласия во взгляде на то или иное событие всё равно остаются. Нельзя не удивиться самонадеянности авторов, когда один пытается «уточнить истинный масштаб личности Кутузова»⁴, другой обращается к изучению личности канцлера Н. П. Румянцева, «чтобы опровергнуть ложь, выявить истину»⁵.

Историк не возглашает истину в последней инстанции, он предлагает свой, по возможности непротиворечивый и научно сбалансированный взгляд на историческое явление. Но он изучает и наблюдает не само явление, а то, как оно отражено в различных источниках. Поэтому главная задача специалиста — собрать возможно полную и всестороннюю информацию об авторе, установить, когда и при каких обстоятельствах был

создан источник, где, когда и кем был опубликован, при этом не исключать возможности, что какая-то часть важной информации всё равно ускользнёт из его поля зрения.

К чему клонятся эти рассуждения об источниках, с которыми мы имеем дело в процессе изучения событий Отечественной войны? За долгие годы изучения всеми нами любимой темы автор этих строк «начитал» немало материалов, при сравнительном сопоставлении которых стал довольно неплохо ориентироваться в эпохе 1812 года в России, следовательно, представлять психологические портреты людей, создававших те или иные источники: рапорты, письма, дневники, воспоминания. Пользуясь сведениями других источников, мы можем примерно реконструировать, когда и зачем они создавали свои источники, то есть определиться с целеполаганием и произвести внутреннюю критику источника.

Но о какой внутренней критике источника может идти речь, когда мы сталкиваемся с обильным цитированием сочинений воинов Великой армии, о большинстве которых мы знаем лишь номер полка и цвет мундира? Сведения о каждом отдельно созданном источнике нелишне было бы вписать в данные исследований «культурных инвариантов» — образцов сознания и поведения воинов русской и наполеоновской армий, которые также нуждаются в тщательном научном изучении и осмыслении. Приведу пример: каждый, кто изучает эпоху Наполеоновских войн, сталкивается с тем, что русские участники событий менее плодотворны в мемуарном наследии, нежели французы. Более того, их воспоминания почти не содержат тех выразительных и ярких деталей, которые присущи рассказам ветеранов Великой армии. Можно, конечно, привычно списать это явление на невежество, а можно обратить внимание на обстоятельства, подчас не принимаемые в расчёт. В восторженном почитании Наполеона и его армии мы гоним от себя мысли, что у их репутации не всегда были красные дни. Русские мемуаристы сознавали себя победителями, их репутация в то время была бесспорна (им и в голову не приходило, что потомки усомнятся в них настолько, что займутся поиском уважительных причин для нашествия Наполеона на Россию), чего не скажешь об их противниках, «борцах противоположного лагеря» (А. Н. Витмер).

На счету у наполеоновских ветеранов — проигранные кампании в России, Центральной Европе и на Пиренеях 1812, 1813, 1814, 1815 годов. Союзные армии Европы дважды вступали в

Париж — в 1814-м и 1815-м. «Австрийцы ввели целую армию в Прованс, чтобы кормить на счёт этой бедной и верной королю страны, — сообщал лорд Каслри лорду Ливерпулю летом 1815 года. — Пруссаки кормят на счёт Франции 200 000 войска. Баварцы [те самые «верные союзники» Наполеона, которые якобы готовы были интегрироваться в созданную им «единую Европу»⁶. — Л. И.], чтобы не потерять удобного случая покормиться на чужой счёт, поспешили перевезти на телегах своё войско от Мюнхена на берега Луары, когда в их помощи не было более никакой нужды, и перевозка, разумеется, поставлена на счёт Франции. Теперь во Франции союзных войск не менее 900 000, содержание которых стоит стране 112 000 фунтов стерлингов»⁷.

Большая часть французского населения знала о победах своего повелителя из газет и бюллетеней, а грандиозное по масштабу военное поражение видела своими глазами и ощущала на себе. Ветеранам Великой армии и самому Наполеону оставалось в этой ситуации только одно спасительное для их репутации средство — взяться за перо в надежде на будущее. Лично я не представляю себе русского офицера-мемуариста, взывающего к своим сослуживцам в тех же пылких выражениях, как это сделал граф Филипп Поль де Сегюр: «Товарищи, я обращаюсь к вам! Не дайте исчезнуть этим великим воспоминаниям, купленным такой дорогой ценой, представляющим единственное достояние, которое прошлое оставило нам для нашего будущего. Одни, против стольких врагов, вы пали с большею славою, чем они возвысились. Умейте же быть побеждёнными и не стыдиться! Поднимите же своё побеждённое чело, которое избородили все молнии Европы! Не потупляйте своих глаз, видевших столько сдавшихся столиц, столько побеждённых королей! Диктуйте же истории свои воспоминания. Уединение и безмолвие, сопровождающие несчастье, благоприятствуют работе. Пусть же не останется бесплодным ваше бодрствование...»

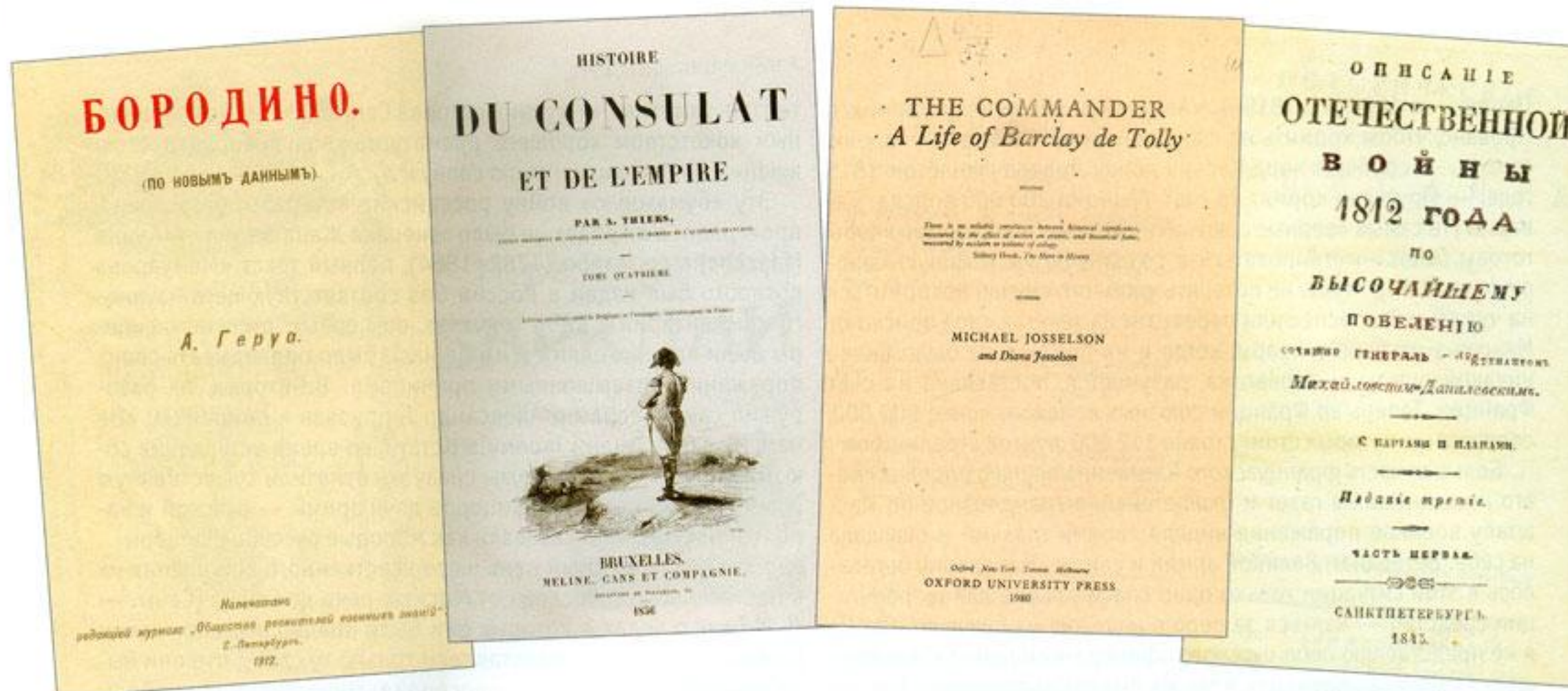
«Бодрствование» наполеоновских ветеранов не осталось бесплодным. В доказательство того, что они выполнили идеологический заказ, приведу строки из завещания Наполеона на острове Святой Елены: «...Полковнику Марбо, сто тысяч франков. Я возлагаю на него обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников»⁸. Путеводной звездой их воображению служили бюллетени Великой армии и мемуары самого Наполеона, по поводу которых его падчерица, королева Гор-

тензия, заметила, что узник острова Святой Елены «с изощрённым кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу»⁹.

Эту «бумажную» войну российские ветераны, безусловно, проиграли: в их рядах не было генерала Жана Батиста Антуана Марселена де Марбо (1782–1854), полный текст «Мемуаров» которого был издан в России без соответствующего научного комментария в 2005 году. Но, во-первых, русские офицеры были победителями и им не надо было оправдывать своих поражений возвышенными причинами. Во-вторых, их разоружил сам император Александр I, призвав к смирению: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Кстати, во время вступления союзников в Париж французы сразу же отметили существенную разницу в психологии офицеров двух армий — русской и наполеоновской: «Мы слышали как молодые русские офицеры... рассказывали в самый день их торжественного вступления их в Париж о подвигах своих от Москвы-реки до Сейны [Сены. — Л. И.] как о делах, в которых они были предводимы помыслом Божиим; себе они предоставляли только ту славу, что они были избраны орудием его милосердия. Они описывали победы свои без восторга и в таких простых и ласковых выражениях, что мы думали, что они на сие условились из особенной учтивости. Они нам показали серебряную медаль, которую генералы и солдаты носят как знак отличия. На одной стороне сей медали изображено око Провидения, а на другом — слова из Священного Писания: «Не нам, не нам, и имени Твоему»¹⁰. Именно эта «схема» и составляла основу исторического характера офицера эпохи 1812 года. В целом же нельзя не согласиться с британским исследователем Домиником Ливеном: «Основные французские первичные источники по войнам, конечно, представляют взгляд «со своей колокольни»... Агрессивное самовосхваление процветало как в армии Наполеона, так и в армиях его противников»¹¹.

В настоящее время историки-любители и СМИ терзают память Кутузова. В связи с этим приведу мнение французского историка Антуана Про (в наших СМИ отечественный историк по определению почти всегда лжив; именно поэтому журналисты, а также социологи, политологи и прочие взвалили на себя тяжкое бремя исполнять их обязанности): «Каков бы ни был предмет исторической критики, она не может осуществляться начинающим историком, и это убедительно доказывают те за-

труднения, которые испытывают студенты при работе с текстом. Для того, чтобы заниматься критикой документа, надо уже быть историком, так как, по существу, критика документа означает сопоставление его со всем тем, что уже известно о рассматриваемом в нём предмете, о месте и времени, о которых он рассказывает. В каком-то смысле критика и есть сама история, и она становится всё более утончённой по мере того, как история углубляется и расширяется... Внутренняя критика всегда осуществляется путём поиска сходства, так как нам ничего не известно ни об изучаемом периоде, ни о данном типе документов, критика попросту становится невозможной. Из этого видно, что критика источников не может быть абсолютным началом: нужно быть уже историком, чтобы заниматься критикой документа»¹².

Но почему столько веры на слово автору монографии о Кутузове профессору Троицкому, который большую часть жизни изучал и изучает проблемы народников? Откуда нынешний шоумен, а тогда студент Евгений Понасенков взял сведения, позволившие ему утверждать, что Кутузова все считали бездарным генералом? Почему СМИ, не задумываясь, повторили версию студента, как будто речь шла не о победителе Наполеона, а о ком-то малозначительном для нашей истории? Не потому ли, что он процитировал академика Вернадского: «Гений не ждёт появления новой науки, а сам создает её»¹³? Хорошая уловка для тех, кто не любит утруждать себя изучением источников и работ других исследователей! Но даже гений отталкивается в своих научных построениях от внутренней критики источника, а не создаёт очередной миф на «злобу дня».

О Кутузове по выходе монографии Троицкого всё было решено без научных споров и дискуссий. Историк же остаётся констатировать факт, что каждый, кто интересуется историей Отечественной войны и Бородинского сражения, должен признать, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далёких событиях — рассказа о них самого Кутузова с учётом мнений своих оппонентов. Заметим, что речь здесь идёт даже не о правдивости «самовидцев», а об их умении «аранжировать» события. По воспоминаниям современника, «природа и навык одарили его [Кутузова] прекрасным языком, который восходил до высокого красноречия. В нём были счастливые обороты в мыслях и словах и, при том, он умел сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость от шуточного до величественного»¹⁴.

Принимая во внимание сухой, лапидарный слог «Оправданий» Барклая де Толли и «Писем» Л. Л. Беннигсена, главных оппонентов Кутузова и создателей крепкой «антикутузовской версии»,

вряд ли можно сомневаться, чей рассказ о событиях на Бородинском поле получил бы в глазах потомков статус источника № 1. Автор не сомневается в том, что, если бы Михаилу Илларионовичу было отпущено ещё несколько лет жизни, он бы легко справился со всеми своими оппонентами и нашёл бы убедительное объяснение всем тем обстоятельствам, над которыми почти два столетия ломают головы специалисты. Таким образом, отсутствие источника, содержащего необходимую информацию, — это не менее существенный факт, чем его наличие.

Исдержки идеологии, «мифологизация сознания», давление общественных пристрастий на науку благополучно существуют и в наши дни. Отсутствие профессионализма, на наш взгляд, ярче всего проявляется в тех случаях, когда историк или тот, кто считает себя историком, пребывает в убеждении, что сам он находится вне идеологии, защищённый от её пагубного влияния «элементарным здравым смыслом»¹⁵. «Очевидна идеологическая составляющая исторической памяти — и не только в привычном людям моего и более старших поколений советском тоталитарном варианте... Идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда»¹⁶, — отмечает современный исследователь М. Ф. Румянцев.

Наиболее яркий пример современности — укоренившееся в российском обществе (не без участия историков-профессионалов) безотчётное — и запоздалое по западным меркам — преклонение перед всеобъемлющим гением Наполеона, сформировавшееся благодаря мифу о том, что в России эта тема якобы была под запретом. Привожу подробную цитату из статьи А. В. Гордона, относящуюся к истории создания выдающимися историками Тарле и А. З. Манфредом знаменитых монографий о Наполеоне. Ученик Альберта Захаровича вспоминает о том, как его научный руководитель выступил с докладом перед научной общественностью по теме одной из глав будущей книги (Египетский поход): «Восхищение собравшихся было всеобщим и вполне искренним. Критическую ноту внёс Б. Ф. Поршнев, который в своеобразной аллегорической форме довёл до коллег свои размышления об общественном значении и идеологическом смысле завершённого Манфредом труда. «Книга рассчитана на успех и будет иметь успех», — заявил Б. Ф. Слово «расчёт» вызвало лёгкое раздражение у автора... На мой тогдашний взгляд, однако, горше было продолжение поршневатской речи. Б. Ф. рассказал о своей поездке к горам Тянь-Шаня, о том, как в отдалённом кишлаке их принимал председатель местного колхоза-миллионера. Этот человек в ставшей знаменитой, благодаря портретам И. В. Сталина, по-

лувоенной форме — френче со звездой Героя — устроил, как водится, пышное застолье, на котором неожиданно заинтересовался: «А что, товарищи историки, нет ли чего новенького о Наполеоне?» Имел ли Поршневу в виду, что потребность в новой биографии Наполеона связана с новым подъёмом сталинизма, ощущавшимся тогда в стране, или только констатировал переплетение интереса к двум историческим личностям? Как бы то ни было, уйти от этого переплетения оказывалось невозможно. Отнюдь не из гоголевской шинели, а из другой, по легенде, «боевой шинели» («и сам товарищ Сталин в шинели боевой, и сам товарищ Сталин помашет нам рукой») вышла советская интеллигенция 60-х годов, и тем, кто брался за образ Наполеона, приходилось учитывать читательские ассоциации, закреплению которых вольно или невольно способствовал Евгений Викторович Тарле своей книгой, написанной и изданной в пору утверждения сталинского полновластия... Сам историк воспринимал свой труд как правительственный заказ. Ему сообщили, кто будет первым читателем, и, естественно, ещё не реабилитированный и невосстановленный в Академии автор хотел угодить вкусам высокопоставленного читателя»¹⁷.

Итак, академик Тарле получил заказ на создание «идеального типа обобщающей модели единоличного правителя». Далее Гордон продолжает: «Своим образом французского императора бывший представитель *sole russe* подстраивался под господствовавшие в советском обществе настроения; и общественное восприятие торжествующего режима личной власти, разумеется, не могло не отразиться в его историческом сознании»¹⁸. Просматривая книгу за книгой авторов-любителей, которые не устают обвинять профессиональных историков-«идеологов» за то, что они много лет скрывали от народа великие деяния французского императора, испытываешь за них откровенную неловкость: что им мешало, прежде чем изливать на бумаге свои чувства и вводить в заблуждение доверчивых издателей, прочитать книги профессионалов? Ссылаясь на текст монографии Тарле, Гордон констатирует очевидное: «Наполеоновские войны до определённого момента характеризуются как своего рода экспорт Французской революции: «освобождал миллионы крестьян от крепостного рабства, провозглашал полное равенство всех сословий... значительно повышал благосостояние населения». Это один из центральных пунктов книги, который автор защищает с большим полемическим пафосом: «Отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел огромное, вполне положительное, прогрессивное (какое обилие эпитетов! — А. Г.) значение, было бы нелепой ложью, недостойной сколько-нибудь серьёзного ученого». Историк находил для оценки военных талантов Наполеона феноменальные определения. Ссылаясь на представления современников — «и друзей, и врагов», Тарле называет его «неподражаемым мастером и художником в деле войны, гениальнейшим из всех когда-либо существовавших до того времени великих полководцев, виртуозов военной стратегии и тактики»¹⁹.

Спрашивается, зачем было тратить деньги на перевод и издание в 2008 году книги отставного французского генерала М. Франчески и Б. Вейдера «Наполеон под прицелом старых монархий», глубина мысли и литературный стиль которой не идут ни в какое сравнение ни с Тарле, ни с Манфредом? Спустя почти 20 лет после распада СССР довольно странно услышать из-за рубежа следующий упрек: «Можно попросту разминуться с историей, если пренебречь тем важнейшим фактом, что Наполеон выступал как наследник Французской революции 1789 года, вызвавшей беспрецедентное социальное и идеологическое потрясение»²⁰. Может быть, на Западе по каким-либо причинам об этом забыли, но в нашей историографии связь между Наполеоном и Французской революцией являлась краеугольным камнем.

Приведём цитату из Манфреда: «Мир лейтенанта Бонапарте — это был мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободлюбивой мятежной литературы XVIII века. Могло ли быть иначе?»²¹ Кроме того, «Наполеон Бонапарт выступает у Манфреда убеждённым сторонником союза с Россией, а сформулированный первым консулом в январе 1801 года вывод «Франция может иметь союзницей только Россию» — продуманным и обоснованным. Историк придаёт этому выводу, можно сказать, непреходящее значение. Если сама идея союза с Россией трактуется «новым словом, внесённым Наполеоном в историю французской внешней политики», то неоднократно повторяемый на страницах книги вывод выглядит своего рода политическим завещанием императора... И многозначительный факт: при политике разрядки, в условиях ослабления международной напряжённости эта линия находила поддержку в официальных инстанциях. «Правильное понимание современной международной обстановки и роли в ней франко-советского сотрудничества, — указывалось в рецензии центрального партийного органа на книгу Манфреда о Наполеоне, — невозможно без глубокого изучения истории»²².

Возникает вопрос: почему у нас столь охотно поддерживают версию о том, что доброе имя Кутузова — это издержки сталинской идеологии и почему те же люди избегают указывать на идеологическую связь Сталина с «наполеоновской» темой? Профессиональные историки («любителям» история науки просто не по плечу: они живут сенсациями и сегодняшним днём) должны были обратить внимание на то, что современное восприятие Наполеона в России напрямую связано с уже оформившейся в советское время традицией почитания гения французского императора. Сталин мог запретить эту тему, а он способствовал. Как справедливо отметил Гордон: «В очень многом расхожусь я мировоззренчески или, точнее, по мироощущению с Тарле, но вот читаю конец его жизнеописания Наполеона: «Через четыре дня гроб вынесли из Лонгвуда. В похоронном шествии, кроме свиты и служителей, принял участие весь гарнизон в полном составе, а также все матросы и морские офицеры, все гражданские чиновники с губернатором во главе и почти всё население острова. Когда гроб опускали в могилу, раздался гром пушечных салютов: англичане отдали мёртвому императору последнюю воинскую почесть». Читаю и ощущаю прилив влаги к глазам, перечитываю — то же самое. А ведь меня никогда не привлекала эта личность»²³. Заметим: плакал, читая эти строки, не только ученик Манфреда. Блестящие работы Тарле и Манфреда — это талантливо выполненный госзаказ, что нисколько не уменьшает значимости их труда. В отношении к Наполеону в нашем обществе планка поставлена очень высоко, через неё не то что «перемахнуть» — дотянуться трудно! На наш взгляд, проблема «Наполеон и российский менталитет» — востребованная тема для докторской диссертации.

Например, журналисту Александру Никонову в голову не приходило, что он и сам на крючке у сталинской пропаганды (он даже оказался недоволен академиком Тарле, назвав его почему-то «сталинским соколом»), когда он сочинял эти строки: «Славе Кутузова и орденам Кутузова мы обязаны товарищу Сталину. Желая оправдать катастрофический разгром 1941 года, он ухватился за лежащую на поверхности историческую аналогию и велел придворным историкам, включая Тарле, выдумать «хорошо подготовленное контрнаступление Кутузова». Которого не было. Да и быть не могло. Кутузов знал, что Наполеон уйдёт из России только тогда, когда сам этого захочет. Так оно и вышло»²⁴.

Впрочем, у Никонова уже появился антагонист, с которым он может вести достойный спор: «Во время Великой Отечественной войны в кремлёвском кабинете Сталина появились портреты А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Это заинтересовало

военных. Как-то, вспоминал маршал А. М. Василевский, Иосифа Виссарионовича спросили, кому из полководцев — Суворову или Кутузову — он отдаёт предпочтение? Вождь уклонился от ответа... Между тем ответ прост: предпочтение Иосиф Виссарионович отдавал Наполеону... В то время, когда вождь с трибуны Мавзолея призывал бойцов Красной Армии: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!», говорить о симпатии к одному из захватчиков, посягавших на независимость России, было неэтично с моральной точки зрения и неразумно с политической. Но, как говорили наши предки, хочешь знать правду — зри в корень»²⁵.

Никонов так ценит своё мнение, что не то что Кутузова, но и самого Наполеона в грош не ставит. В противном случае он бы внимательно прочитал следующие строки великого мастера войны: «Вообще действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми манёврами, требуют выделения особого корпуса и влекут за собою все невзгоды, сопряжённые с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля. Когда после боя при Смоленске, в 1812 году, французская армия направилась прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными манёврами, пока, прибыв в укрепленный лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошёл через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, он увлёк бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, — есть удел невежества. Это всё равно, что решать с помощью уравнивания второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы поблудеть Лагранжа и Лапласа»²⁶.

В этих строках профессионал взял в Наполеоне верх над идеологом: он признал за Кутузовым способность решать задачи из высшей математики, полагая, что у русского полководца не было возможности защитить Москву, кроме как в полевом сражении. Последнее, на наш взгляд, было сомнительно при отсутствии простого равенства в силах: превосходство за счёт ополченцев — не в счёт. Сейчас Кутузова упрекают в том, что он не добился победы при численном преобладании, а если бы он ввёл в бой ополченцев, то его обвинили бы в том, что он бросил в сражение необстрелянных и необученных людей. Наполеон считал битву при Бородине выигранной по факту занятия Москвы французами, но у нас нет достаточно оснований утверждать, что Кутузов, решившись на эту битву, собирался отстаивать Москву до последнего солдата, не имея сведений ни о резервах, ни о поддержке фланговых армий. Но в любом случае Наполеон видел в действиях Кутузова с самого начала логическую систему, в которой упрямо отказывают полководцу отечественные историки-профессионалы и любители под флагом борьбы со сталинизмом!

Взгляды профессиональных западных историков (я не имею в виду Международное наполеоновское общество, труды членов которого печатаются в России и которое на зарубежных сайтах в Интернете именуют «объединением историков-непрофессионалов») весьма существенно отличаются от взглядов российских коллег, что видно из приведённой ниже цитаты: «После описываемой битвы [Ауэрштедт], где французские войска продемонстрировали вершины тактического мастерства, Великая армия более уже не показывала себя таким

виртуозом. Причины для столь необратимых изменений — в размытии частей высшей пробы... и в потерях среди ветеранов, павших или вышедших из строя на протяжении многочисленных кампаний и заменявшихся неопытными конскриптами. Данные факторы способствовали ослаблению тактических и оперативно-тактических возможностей французских войск. С течением времени для прорыва неприятельских порядков командирам частей и соединений армии Наполеона вынужденно приходилось всё больше и больше полагаться на «большие батареи» артиллерии и состоящие из множества батальонов, а то и полков густые колонны. Такой спад тактической компетентности у французов происходил как раз тогда, когда оппоненты Наполеона стали понемногу набирать мастерство и технику»²⁷.

В то время как отечественные авторы в большинстве своём признали поражение Кутузова при Бородине, британские исследователи Р. Холмс и Д. Эванс, взглянув на вещи шире и вписав Бородинскую битву в контекст военных событий не только в России, но и в Европе (как раз то, за что ратовал Понасенков, не предвидя результата), пришли к выводу, что победа принадлежала русским²⁸. Популярна в наши дни и идея, что Наполеон за пределами Франции вёл исключительно оборонительные войны и даже на Пиренеи и в Россию его занесло «наваждение идеей мира»²⁹. Апологеты французского императора, похоже, не слышат себя со стороны. «Территориальные потери Австрии весьма значительны, — торжествуют Франчески и Вейдер. — Она подписывает... Люневильский мирный договор, выставивший австрийцам очень высокий счёт за поражения в войнах, которые они непрерывно ведут против Франции на территории Италии и Германии. Священная империя вынуждена признать Рейн в качестве естественной границы новой Франции. Наконец сбывается доселе неосуществимая мечта французов, которые на протяжении столетий веков говорили: «Когда Франция из Рейна напьётся, Галлия своего добьётся»... Австрия должна признать Цизальпинскую и Лигурийскую республики и согласиться с обменом Великого герцогства Тосканского на Зальцбургское архиепископство... Между тем в 1795 году Конвент аннексировал Бельгию, а Люневильский договор фактически распространил суверенитет Франции на Голландию»³⁰.

Теперь почитаем Никонова: «24 июня 1812 года Наполеон перешёл Неман и двинулся навстречу агрессорам, благо формальный повод у него был: разорвав мирный Тильзитский договор, Александр де-факто объявил Наполеону войну... Так вот, даже перейдя Неман, Наполеон воевать с Россией не хотел. То есть не имел намерения вторгаться в Россию, но и вообще предпочёл бы обойтись без кровопролития»³¹. Впрочем, испанцам тоже не поздоровилось: «И вот скажите мне теперь, за что воевали испанские голодранцы?... Им не один хрен, кто там в Мадриде на троне сидит — Бурбон или Бонапарт? Тебе, оборванцу, какое дело?»³² Ответ на вопрос Никонова, по неизвестным причинам не считающего себя оборванцем (фамилия явно не княжеская, а воспитание и того хуже), содержится в романе современного выдающегося испанского писателя Артуро Переса-Реверте «День гнева» (М. 2009), посвящённом восстанию в Мадриде: испанцы, невзирая на все недостатки государственной власти, «сделали то, что должен сделать каждый порядочный человек, если его страна подверглась нападению, взяли за оружие». Это простая истина, неведомая Никонову, была очевидной для наших предков.

Огромное количество литературы по «наполеонике», растиражированный СМИ образ французского императора как предтечи Евросоюза создают безусловные сложности в определении значимости событий, связанных с 1812 годом.

«Самосожжение» Москвы, уничтожение наполеоновской армии подчас рассматриваются как борьба с прогрессом. Однако по поводу Евросоюза мы имеем довольно определённое мнение, высказанное современным французским историком: «...Наполеон, уже находясь на острове Св. Елены, ещё сумеет своими трудами создать впечатление, что его план завоеваний имел целью построение единой Европы, но, в действительности, это была чисто умозрительная конструкция, созданная задним числом»³³.

Удивительно, но основные положения монографии Жана Тюлара «Наполеон: миф о спасителе» (во Франции книга вышла с более определённым названием — «Миф о спасителе»), основанной на холодном и беспристрастном анализе источников, не встретили в нашей стране сочувствия не только среди любителей, но и среди специалистов. Между тем автор книги в этой теме человек не случайный: во Франции он ведущий и при-

литет, и Россию, остановиться и задуматься. Но нет, он опять про своё: «И если сегодняшние парижане не хотят помнить это имя — что ж... Мир запомнит его и без них»³⁴.

Проблема не только в парижанах: положительной трактовке Наполеона в Европе убедительно противостоят версии германских историков. Американский исследователь Э. Крейе убедительно показал, что в основе союза Наполеона с Баварией, Саксонией, Вюртембергом, Вестфалией и другими немецкими государствами лежало отнюдь не филантропическое стремление к политическим преобразованиям: находясь постоянно в состоянии войны с Англией, Наполеон нуждался в союзниках, которые поставляли ему «пушечное мясо» в обмен на вознаграждения земельными территориями побеждённых держав. Как только фортуна от-
вернулась от Наполеона, его союзники — кто раньше, кто поз-

знанный специалист по наполеоновской теме. На фоне российского энтузиазма отсутствие встречных славословий из страны, где, казалось бы, великому корсиканцу должны быть более всего благодарны, несколько смущает.

А с Никоновым и вовсе вышла незадача. «Однажды ко мне в гости приехал один знакомый француз по имени Мартин. Интеллигентный человек. Сидели, пили вино, разговаривали. И вдруг я отметил для себя, что отношение французской интеллигенции к своей стране напоминает отношение русской к своей — оно очень критично! Он ругал Францию, французский менталитет. Хотел покинуть родину... Каким-то образом разговор зашёл о Наполеоне.

— Как ты к нему относишься? — спросил я.

— Никак. Наполеон — это просто авантюрист.

Сказать про Наполеона, что он был авантюрист, — всё равно, что охарактеризовать Христа как человека с бородой. Маловато будет... Французы как будто стесняются его». Здесь бы автору, разбравившему в своей книге и российский мента-

литет, и Россию, остановиться и задуматься. Но нет, он опять про своё: «И если сегодняшние парижане не хотят помнить это имя — что ж... Мир запомнит его и без них»³⁴.

Кстати, исторически сложилось так, что наши историки в русле традиции XIX века рассматривают конфликт между Россией и Францией, игнорируя других участников противостояния. По справедливому заключению Доминика Ливена, в настоящее время «нарушена сбалансированность взгляда российских историков и их коллег за рубежом на проблему поражения Наполеона». В числе недостатков отечественной историографии им названы: «колоссальный разрыв уровня знаний о 1812 и 1813–1814 годах»; приверженность «национальным сюжетам», препятствующую реально оценить вклад России в поражение Наполеона; определённая «зацикленность» исключительно на русско-французских отношениях; традиционная сосредоточенность отечественных специалистов на военных операциях в отрыве от внимательного изучения дипломатических отношений. Наконец, открытым остаётся вопрос,

же — перешли на сторону победителей, вступив с ними в переговоры на Венском конгрессе. Именно Венский конгресс западноевропейские историки и считают прообразом Евросоюза, называя в числе его зачинателей Александра I. Но в России считают: да нет же, не Александр, а Наполеон...

Как тут не вспомнить цитату из знаменитого романа Булгакова: «В воздухе приятно запахло разоблачениями». 70 лет представление о наших предках уродовала, искажала, коверкала советская историография. Но там по крайней мере хоть было объяснение: классовая ненависть. Теперь на смену классовой ненависти пришла просто ненависть, являющаяся средством самовыражения для людей, которые, по видимому, ничего другого не умеют.

Мы постоянно забываем, что между Россией и Францией в XIX–XX веках исторически складывались особые отношения: русская аристократия считала французский язык своим собственным, русские офицеры дорожили воспоминаниями о Наполеоновских войнах, были снисходительны к побеждённым и в конечном счёте способствовали распространению наполеоновской легенды (повторю: это был мудрый шаг — сохранить общее прошлое как святыню). Потом большевики дорожили

действительно ли изжил себя потенциал «старорежимных» армий Европы на фоне «прогрессивной» армии Наполеона?

Многие из нас сознательно избегали и продолжают избегать дискуссий с дилетантами, потому что привыкли к тому, что в советские времена ответ на вопрос: кому верить — специалисту или любителю? — не вызывал сомнений. В новых условиях мы явно недооценили потенциал социологов, политологов, обозревателей СМИ — всех тех, кто сейчас формирует представления об эпохе 1812 года и полагает, что их «свежий взгляд» на наше прошлое позволит установить истину. Мы проглядели ту черту, когда количество недостоверной, но политически ангажированной информации перешло в качество. Вероятно, в этом заключается своеобразие современной познавательной ситуации и в этом её главное отличие от ситуации 1912 года.

На мой взгляд, мы, историки, совершили большую ошибку в сравнении с теми, кто готовился торжественно отмечать 100-летие Отечественной войны 1812 года. В условиях союза с Францией накануне Первой мировой войны был найден разумный компромисс в соотношении научных представлений об эпохе военного противостояния. Основу этого компромисса сформулировал ещё мемуарист граф де Сегюр в главах, посвящённых походу в Россию.

Бывший адъютант Наполеона и мудрый человек предложил такой взгляд на историю военного конфликта: когда воины России и Франции предстанут на суд Божий, то Всевышний признает в них братьев по славе. Нашему поколению историков этого показалось мало: мы сосредоточились на разоблачениях мифов советской идеологии, а затем перекинулись на лжепатриотизм.

ли опытом якобинской диктатуры и весьма почитали традиции Великой французской революции, мы воевали на одной стороне в Первую мировую, сражались в дивизии «Нормандия-Неман», приветствовали выход Франции из блока НАТО, читали романы Дюма и Мориса Дрюона, обожали Мирей Матье и Ива Монтана...

Исключительность французов в сфере нашей культурно-общественной жизни прошлого столетия, на мой взгляд, подпитывалась тем, что в советское время наше население одинаково плохо владело как французским, так и любыми другими языками. Теперь наши люди становятся в огромном большинстве своим англоговорящими. Это не может не сказаться на наших культурных пристрастиях.

Но, несмотря на все эти сложности, тема Наполеона, не поддерживаемая крупными историками ранга Тарле и Манфреда, уже висит в воздухе: Евгений Понасенков и Александр Никонов — не те люди, кто спасёт ситуацию и без того парадоксальную. Перефразируя Наполеона («Франция осталась без истории»), мы оставили Россию без истории Отечественной войны 1812 года. Накануне 200-летнего юбилея мы добились того, что в обыденном сознании поселились сомнения в героизме и мужестве наших предков; в то же время на полках книжных магазинов уже скопились нераспроданные книги о Наполеоне. Не присоветуют ли нам отмечать 200-летие нашего Наполеона на Россию? Разрушая «мифы», мы почти лишили юбилей смысла, разрушив формулу, созданную Сегюром: «братья по славе». Как историк, я не уверена, что граф лгал...

При оформлении статьи использованы почтовые марки и открытки из коллекции К. А. Клеонской и Ю. С. Лурье

Примечания

1. Троицкий Н. А. Книга о любви. Записки историка. Саратов. 2006.
2. Проскуракова Н. А. Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып. 163. М. 2007. С. 7.
3. Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб. 1867. С. 118.
4. Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М. 2002. С. 4.
5. Лопатников В. А. Канцлер Румянцев: Время и служение. М. 2010. С. 9.
6. Земцов В. Н. Великая армия Наполеона

7. в Бородинском сражении. М. 2008. С. 78.
7. Цит. по: Соловьёв С. М. Император Александр I. М. 1995. С. 414–415.
8. Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М. 2009. С. 346.
9. Цит. по: Земцов В. Н. Указ. соч. С. 9.
10. Михайловский-Данилевский А. И. С. 53–54.
11. Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VI. Труды ГИМ. М. 2007. С. 309.
12. Про А. Двенадцать уроков по истории. М. 2000. С. 62.
13. Понасенков Е. Н. Правда о войне 1812 года. М. 2004. С. 11.
14. Фельдмаршал Кутузов. Документы.

- Дневники. Воспоминания. М. 1995. С. 402–403.
15. Понасенков Е. Н. Указ. соч. С. 115.
16. Румянцев М. Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М. 2005. С. 10.
17. Гордон А. В. А. 3. Манфред — биограф Наполеона // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. 3. Манфреда (1906–1976). М. 2006. С. 48–49.
18. Там же. С. 50.
19. Там же. С. 52–54.
20. Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М. 2008. С. 5.
21. Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. М. 1972. С. 38.

22. Гордон А. В. Указ. соч. С. 64–65.
23. Там же. С. 65.
24. Никонов А. П. Наполеон: попытка № 2. М.; СПб. 2008. С. 263.
25. Николаев П. Ф. 100 дней Иосифа Сталина. Т. 1. М. 2011. С. 5, 11.
26. Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 387.
27. Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815. М. 2009. С. 47.
28. Холмс Р., Эванс М. Поле битвы. М. 2010.
29. Франчески М., Вейдер Б. Указ. соч. С. 78.
30. Там же. С. 9–15.
31. Никонов А. П. Указ. соч. С. 246–247.
32. Там же. С. 215.
33. Будон Ж. О. Путь Наполеона // Французский ежегодник 2006. С. 79.
34. Никонов А. П. Указ. соч. С. 372–374.